

ВЫВОД А CONTRARIO КАК ОДНО ИЗ ЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ТОЛКОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Онищенко В. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

В настоящей статье проводится исследование научных и нормативных источников, в которых так или иначе затрагивается проблема использования вывода а contrario. Кроме того, предпринята попытка обоснования необходимости использования вывода а contrario при толковании некоторых положений гражданского законодательства. В настоящее время вывод а contrario преимущественно игнорируется и в науке, и на практике, однако, при анализе научных публикаций по исследуемой тематике, почти никем не отрицается возможность использования этого логического инструмента. Дальнейшее исследование рассматриваемой проблемы должно заключаться в проверке возможности использования такого инструмента на более широкой эмпирической базе.

Ключевые слова: правовая норма; толкование права; инструмент толкования; конкуренция правовых норм; логическое закрепление; текстуальное закрепление.

В течение длительного времени сложилась практика правотолкования, которая преимущественно основывается на интуитивном понимании нормативных положений. Сама по себе ориентация на интуицию не вызывала бы возражений, если бы все-таки наряду с этим юристы владели логическим инструментарием правотолкования. Но этот инструментарий почти не используется. При таких условиях актуальным является обращение к одному из таких инструментов – выводу а contrario.

Несмотря на то, что в науке права вывод а contrario не исследуется и не используется, все же из этого правила есть и исключения. Этот вывод исследовали и использовали Васьковский Е. В., Вильнянский С. И., Перетерский И. С., Черданцев А. Ф., Тодыка Ю. Н., Белов В. А., Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Отдельные обращения к выводу а contrario замечаются в работах классика мировой цивилистической мысли Савиньи Ф. К. ф.

Целью настоящей статьи является исследование научных источников, в которых так или иначе затрагивается проблема использования вывода а contrario, и попытка обоснования необходимости использования вывода а contrario при толковании некоторых положений гражданского законодательства.

Хотя вывод а contrario преимущественно игнорируется и в науке, и на практике, примечательно то, что, насколько мы можем судить по научным публикациям, почти никто не отрицает возможность использования этого логического инструмента. Монастырский Ю. Э. мимоходом, но решительно отвергает возможность использования вывода а contrario: «Вывод а contrario подсказывает отрицательный ответ, но, по нашему мнению, подобный ход рассуждений годится лишь для адвокатских экзерсисов, а для серьезной юридической аналитики не подходит» и «...умозаключение «от противного» для серьезных юридических исследований не

годится, особенно в частном праве» [7, с.23, 102]. Кельзен Г. решительно и категорически высказывался против вывода a contrario [6, с. 374]. Но следует заметить, что Кельзен Г. – признанный во всем мире философ права, но не специалист по работе с нормативными текстами. Есть сомнение, что классик философии права, никогда не работавший с нормативными текстами, может сделать справедливый вывод о том, что рассматриваемый вывод a contrario никуда не годится. Полагаем, что Кельзен Г., при исследовании вывода a contrario, вышел за пределы своего профессионализма в сфере философии права и сделал неправильный вывод в области работы с толкованием нормативных положений, в чем недостаточно разобрался.

Обстоятельно исследует вывод a contrario Васьковский Е. В. Он констатировал: «В каждом почти сочинении, в котором говорится о толковании законов, упоминается в их числе и заключение по противоположности или от противного» [3, с. 307]. Также он утверждал, что: «вопроса, при каких же условиях допустимо это заключение, большинство ученых либо совершенно не касается, либо ограничивается отрывочными и неопределенными замечаниями» [3, с. 307]. Кроме того, Васьковский Е. В. указывает на то, что из одной и той же нормы иногда можно сделать два или даже несколько выводов a contrario, с чем также соглашается коллектив современных авторов [9, с.293]. Упомянутые авторы обращают внимание на то, что Васьковский Е. В. в своих исследованиях в достаточной мере не опирался на нормативный и иной эмпирический материал. Не ставил он и не предпринимал попыток разрешения вопроса о соотношении правовых норм, обнаруживаемых при помощи вывода a contrario, с другими правовыми нормами.

Вильнянский С. И. считал возможным использование вывода a contrario, но анализировал его под рубрикой «иные способы восполнения пробелов» [4, с. 60-61].

Перетерский И. С. рассматривал вывод a contrario как один, хоть и исторически мало распространенный, путь восполнения пробелов в законе [8, с. 128]. И.С. Перетерский писал: «Этот способ основывается на средневековой (но имеющей значительное распространение и в современной буржуазной доктрине) поговорке «*expression unius – exclusion alterius*», то есть выражение чего-либо есть исключение противоположного». Исследуя правовые положения с учетом вывода a contrario, он пришел к выводу, что существующая норма дает основание для отыскания противоположной нормы, относящейся к случаям, не предусмотренным первой нормой. Он полагал, что заключения a contrario представляют собой значительную сложность. Перетерский И. С., исследуя доктрину международного права, в которой уже давно возник вопрос о том, могут ли положения международного договора применяться по аналогии к случаям, в данном договоре не предусмотренным, и можно ли из международного договора делать выводы a contrario, сделал вывод, что: «международный договор лишь регулирует те отношения, на которые было направлено намерение сторон. За пределами своего непосредственного содержания международный договор действовать не может. И если для какой-либо группы взаимоотношений данных государств установлено определенное правило, то мы вправе предположить, что к другим отношениям должен применяться иной режим (конечно, если этот вывод не опровергается какими-либо иными обстоятельствами)» [8, с.129]. Кроме того, Перетерский И. С. приводит некоторые позиции буржуазной доктрины международного права по вопросу о применении при толковании международных договоров вывода a contrario. Обобщив мнения ученых, Перетер-

ский И. С. приходит к выводу, что: «... рассматриваемый прием не имеет какого-либо абсолютного значения и не может быть взят изолированно, но из этого отнюдь еще не вытекает, что он имеет меньшее значение, чем другие отдельные приемы, или что он вообще не относится к числу приемов толкования» [8, с.132].

Относит вывод а *contrario* к логическому способу толкования Черданцев А. Ф.: «Он основан на логическом законе противоречия. Два противоречивых суждения о содержании нормы права не могут быть истинными, одно из них обязательно является ложным. Если мы установили истинность одного суждения, раскрывающего смысл нормы, то с полным основанием можем говорить, что противоречивое суждение будет ложным, не отражающим содержания нормы права. Причем следует иметь в виду, что истинное суждение (тезис) может быть как позитивным, утверждающим о наличии какого-либо признака содержания нормы, так и негативным, отрицающим что-либо о ее содержании. Из истинности позитивного тезиса соответственно заключается о ложности противоречащего отрицательного тезиса, а из истинности негативного тезиса – о ложности противоречивого позитивного тезиса» [10, с. 112]. Профессор Черданцев А. Ф. полагал, что к выводу а *contrario* можно прибегнуть только тогда, когда интерпретатор уже пришел к определенным выводам о содержании нормы, в его распоряжении уже имеются истинные суждения о ее содержании, именно их он и берет в качестве основания для доказательства других положений, являющихся ответом на вопрос, выдвинутый практикой. И так же, как и Перетерский И. С., профессор Черданцев А. Ф. считал, что использовать вывод а *contrario* следует весьма осторожно, с учетом других аспектов толкования, в частности систематического. «Из положительного тезиса, раскрывающего норму права, можно делать соответственно только отрицательный вывод в отношении того же самого положения. Но нельзя сделать, например, из положительного вывода положительный об обстоятельствах явления противоположного характера, ибо они могут быть предусмотрены другой нормой» [10, с. 113].

Белов В. А. исследовал применение норм по аналогии и по противоположности. В результате его исследований он пришел к выводу, что: «...диспозитивные гражданско-правовые нормы должны предполагаться применимыми по аналогии, а императивные – по противоположности. Основанием для этой гипотезы является соображение о диспозитивности как руководящем начале гражданско-правового регулирования общественных отношений. Диспозитивность – оборотная сторона автономности регулирования – такой черты отношений, регулируемых гражданским правом, которая носит характер общего правила; следовательно, императивность норм гражданского законодательства должна рассматриваться как проявление исключений из этого общего правила. Устанавливая же исключение из общего правила, всегда подразумевают его неприменимость к случаям, им не охваченным» [2, с.217].

Со своей стороны, попытаемся на конкретных примерах показать, что использование вывода а *contrario* является не только возможным, но и необходимым и конструктивным, а его неиспользование оставляет субъекта правотолкования беспомощным перед задачей толкования многих нормативных положений и разрешения коллизии между ними и заставляет сводить средства толкования к индукции – единственному средству, пригодному для этих целей везде и во все времена.

Пунктом 4 статьи 421 ГК сторонам гражданско-правовых договоров предоставляется право по своему усмотрению определять условия таких договоров, кроме случаев, когда соответствующее условие применительно к данному случаю вытекает из императивной нормы закона или иного правового акта. Уместно было бы задуматься над тем, в содержание какого правоотношения входит указанное право. Но обращение к этой проблеме приведет нас к необходимости вернуться к концепции трехстороннего правоотношения (с участием государства) Александрова Н. Г. [1, с. 99-100], которую Явич Л. С. объявил «опровергнутой» еще в середине 70-х годов прошлого века [11, с. 209], что выходит за пределы цели настоящей статьи. Поэтому остановимся на том, что п.4 ст. 421 ГК разрешает сторонам (за соответствующими исключениями) по своему усмотрению определять условия заключаемых им договоров. Это – общая правовая норма (общее разрешение), распространяющее на все договоры. Но в силу особенностей правосознания российских граждан, непосредственно участвующих в гражданских правоотношениях или действующих от имени юридических лиц, наши граждане сомневаются в том, что указанное разрешение действует. «...В России...», – пишет Карапетов А. Г., – принцип свободы договора в реальной судебной практике отвоевывает свое заслуженное место в системе принципов гражданского права у элементов советской, планово-запретительной идеологии с большим трудом» [5, с. 741]. Поэтому законодатель иногда бывает вынужден к тому, чтобы сверх или наряду с общим разрешением (общей правовой нормой, предусматривающей разрешение) устанавливать специальные разрешения (специальные правовые нормы, предусматривающие разрешения).

Так и поступил законодатель, когда Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ дополнил Гражданский кодекс статьей 406.1. Согласно этой статье стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности, могут своим соглашением предусмотреть обязанность одной стороны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных в таком соглашении обстоятельств и не связанные с нарушением обязательства его стороной (потери, вызванные невозможностью исполнения обязательства, предъявлением требований третьими лицами или органами государственной власти к стороне или к третьему лицу, указанному в соглашении, и т.п.). Но правовая наука, установленная п.1 ст. 406.1 ГК, является специальной, имеющей более узкую сферу действия, чем общая правовая норма, текстуально закрепленная в п.4 ст. 421 ГК. Поэтому встает вопрос о том, какая же норма действует за пределами сферы действия правовой нормы, текстуально закрепленной в п.1 ст. 406.1 ГК.

Карапетов А. Г. в этой связи пишет, что «в силу указанных положений условие о возмещении потерь не может быть согласовано, если хотя бы одной из сторон договора является гражданин, не выступающий в качестве предпринимателя [5, с. 744], но исходя «из телеологического целевого толкования данной нормы», она «должна толковаться расширительно» [5, с. 744-745]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что запрет на согласованные условия о потерях Карапетов А. Г. выводит непосредственно из п.1 ст. 406.1 ГК (из законодательства), не переходя в систему права (в правовые нормы), тем не менее подвергая последовательно телеологическому и расширительному толкованию именно норму. Полагаем, что и вообще, и применительно к данному случаю в особенности, не стоило разрешать коллизию, не выходя за пределы положений законодательства в систему норм права.

Правовая норма, которая текстуально закреплена в п.1 ст. 406 ГК, имеет гипотезу, которая указывает на то, что эта норма применяется к отношениям, возникающим при заключении соглашений при осуществлении их сторонами предпринимательской деятельности. Карапетов А. Г. на уровень правовых норм вообще не стремится. Для него достаточно ссылки на «указанные положения». Это – очень удобный подход для того, чтобы свое мнение поставить на место закона. Между тем, надо же было пояснить, откуда взялась правовая норма, которая распространяется на отношения между сторонами договора, если одной из сторон выступает гражданин, не выступающий в качестве предпринимателя, и которая запрещает согласовывать в таких договорах условие о возмещении потерь.

Полагаем, что так толковать закон, так работать с нормативным материалом нельзя. Правотолкование должно быть дискурсивным, то есть представлять собой цепь непрерывных суждений (без перерыва дискурса, но с выделением каждого суждения как звена цепи). Попробуем осуществить дискурсивное толкование п.4 ст. 721 и п.1 ст. 406.1 ГК.

Содержание первого суждения будет составлять правовая норма, текстуально закреплённая в п.4 ст. 421 ГК: если стороны заключают договор, то они имеют право по своему усмотрению согласовывать его условия (за исключением случаев, предусмотренных этим пунктом с учетом ст. 422 ГК).

Содержание второго суждения будет составлять правовая норма, текстуально закреплённая в положении предложения п.1 ст. 406.1 ГК: если стороны действуют при осуществлении предпринимательской деятельности, то они вправе включить в договор условие, обязывающее одну сторону возместить имущественные потери другой стороны.

В таком условии логически будет закреплено право этой другой стороны на возмещение потерь, корреспондирующее указанной обязанности первой стороны (это – третье суждение, более полно, в дополнение ко второму суждению раскрывающее юридическое содержание положения предложения первого п.1 ст. 406.1 ГК).

Четвертым суждением определяется соотношение сфер действия правовой нормы, текстуально закреплённой в п.4 ст. 421 ГК, и правовой нормы, текстуально закреплённой в положении предложения первого п.1 ст. 406.1 ГК: эти сферы соотносятся, как часть и целое, что явствует из содержания гипотез этих норм. При этом специально обратить внимание на то, что сфера действия правовой нормы, текстуально закреплённой в п.1 ст. 401.6 ГК не выходит за пределы сферы действия правовой нормы, текстуально закреплённой в п.4 ст. 421 ГК.

Пятым суждением следует констатировать, что ввиду соотношения сфер действия указанных правовых норм как части и целого, они соотносятся как общая правовая норма (текстуально закреплённая в п.4 ст. 421 ГК) и специальная правовая норма (текстуально закреплённая в п.1 ст. 406.1 ГК).

Шестым суждением следует определить соотношение между диспозициями рассматриваемых правовых норм: обе диспозиции устанавливают разрешения на установление сторонами условий договоров: диспозиция первой нормы разрешает устанавливать любые условия договоров (за установленными исключениями); диспозиция второй разрешает устанавливать в договорах условие о возмещении потерь. Иными словами: разрешение, даваемое п.1 ст. 406.1 ГК – это часть разрешения, да-

ваемого п.4 ст. 421 ГК. Такое соотношение диспозиций исключает коллизию между диспозициями рассматриваемых правовых норм.

Седьмое суждение: раз отсутствует противоречие между рассматриваемыми правовыми нормами, та правовая норма, которая является специальной не может исключить в сфере своего действия общей правовой нормы. В сфере действия специальной правовой нормы одновременно действуют (применяются) и эта специальная правовая норма и общая правовая норма. Эти нормы являются совместимыми. Применение правила *lex specialis derogat generali* в данном случае исключается.

Восьмым суждением констатируется наличие в содержании положения предложения первого п.1 ст. 406.1 ГК не только текстуально закрепленной правовой нормы, но и правовой нормы, которая закреплена логически, обнаруживается при помощи вывода *a contrario*, и в соответствии с которой за пределами гипотезы (сферы действия) правовой нормы, текстуально закрепленной в указанном законодательном положении, согласование условий о возмещении потерь не допускается.

Девятым суждением будет констатация наличия прямого противоречия (контрарности) между правовой нормой, текстуально закрепленной в п.4 ст.421 ГК, и правовой нормой, которая логически закреплена в положении предложения первого п.1 ст. 406.1 ГК и обнаруживается при помощи вывода *a contrario*. Последняя правовая норма, как и все правовые нормы такого рода, как правило, неспособны конкурировать с текстуально закрепленными правовыми нормами (это – десятое суждение) [9, с. 320]. Но правовая норма, которая логически закреплена в положении предложения первого п.1 ст. 406.1 ГК и обнаруживается при помощи вывода *a contrario* подлежит преимущественному применению перед правовой нормой, текстуально закрепленной в п.4 ст. 421 ГК, по двум причинам: 1) в силу оговорки в п.4 ст. 421 ГК о применении упомянутой базовой нормы, кроме случаев, когда «содержание соответствующего условия предписано законом...» (в данном случае правовой нормой, которая логически закреплена в п.1 ст. 406.1 ГК и обнаруживается при помощи вывода *a contrario*); 2) в силу правила *lex posterior derogat priori* (положение п.1 ст. 406.1 ГК, как и вся эта статья, включено в Гражданский кодекс Федеральным законом от 8 марта 2015 года № 42-ФЗ, а п. 4 ст. 421 ГК был включен в этот Кодекс, когда принималась часть первая Гражданского кодекса, то есть 30 ноября 1994 года) (одиннадцатое суждение).

Последнее, двенадцатое, суждение содержит в себе заключительный вывод: условие о возмещении потерь не может включаться в договоры, не охватываемые гипотезой правовой нормы, текстуально закрепленной в положении предложения первого п.1 ст. 406.1 ГК.

Такой же методологический инструментарий в основном следует использовать и при толковании ст. 1084 ГК и разрешении коллизии между этой статьей и положением абзаца первого п.1 ст. 1064 ГК.

Положение ст. 1084 ГК сформулировано очень небрежно. В указанной статье установлено, что «вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в полиции и других соответствующих обязанностей возмещается по правилам, предусмотренным настоящей главой, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности». С другой стороны, абзацем первым п.1 ст. 1064 ГК предусмотрено, что «вред, причиненный личности или

имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред». В приведенных законодательных положениях текстуально закреплены специальная (в ст. 1084 ГК) и общая (в п.1 ст. 1064 ГК) правовые нормы. Но между ними нет коллизии. Специальная норма не исключает применения общей. Они совместимы. Следовательно, правовая норма, текстуально закрепленная в ст. 1084 ГК, не может препятствовать возмещению вреда, причиненного во всех остальных случаях, не предусмотренных ею, на основании п.1 ст. 1064 ГК.

Вместе с тем, мы замечаем, что в ст. 1084 ГК логически закреплена правовая норма, которая обнаруживается при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой в остальных случаях (не предусмотренных этой статьей) вред, причиненный здоровью не возмещается. Эта правовая норма находится в состоянии контрастности с правовой нормой, текстуально закрепленной в п.1 ст. 1064 ГК, что требует разрешения коллизии между ними. Как указывалось выше, правовые нормы, которые логически закреплены в положениях нормативных правовых актов и которые обнаруживаются при помощи вывода *a contrario*, как правило не могут конкурировать при правоприменении с текстуально закрепленными правовыми нормами. Поэтому при причинении имущественного вреда путем повреждения здоровья, когда ст. 1084 ГК не предусматривает его возмещения, возмещение производится на основании п.1 ст. 1064 ГК.

Коллизия между ст. 1088 ГК, устанавливающей случаи возмещения вреда, причиненного смертью кормильца, и правовой нормой, текстуально закрепленной в п.1 ст. 1064 ГК, является лишь внешне подобной коллизии между ст. 1084 ГК и ст. 1064 ГК. На самом деле мы видим, как законодатель тщательно описывает круг лиц, имеющих право на возмещение вреда, причиненного смертью кормильца, условия и сроки возмещения. При таких условиях не было бы никакого оправдания признавать право на возмещение вреда на основании общего правила п.1 ст.1064 ГК за лицами, которые не указаны в ст. 1088 ГК или по истечении сроков, определенных в этой статье. Ст. 1088 ГК не допускает возмещения вреда трудоспособным лицам, хотя бы они и находились на иждивении потерпевшего (умершего), или лицам, которые были нетрудоспособны, но приобрели трудоспособность вследствие медицинской реабилитации или в связи с возрастом. Поэтому правовая норма, которая логически закреплена в ст. 1088 ГК, обнаруживается при помощи вывода *a contrario* и которая не допускает возмещения вреда лицам, которые являются трудоспособными хотя бы они и находились на иждивении потерпевшего (умершего), в сфере своего действия исключает применение общей правовой нормы, текстуально закрепленной в п.1 ст. 1064 ГК.

Дальнейшее исследование проблемы использования вывода *a contrario* должно заключаться в проверке возможности такого использования на более широкой эмпирической базе.

Список литературы

1. Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. – М. : Госюриздат, 1955. – 176 с. – Текст : непосредственный.
2. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть. В 2 т. Т. 1. Введение в гражданское право: учебник / В. А. Белов. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 521 с. – Текст : непосредственный.

3. Васильковский, Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васильковский. – М. : ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 456 с. – Текст : непосредственный.
4. Вильнянский, С. И. Толкование и применение гражданско-правовых норм / С. И. Вильнянский. – Текст : непосредственный // Методологические материалы Всесоюзного юридического заочного института. – 1948. – Вып. 2. – С. 60-61.
5. Карапетов, А. Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : Статут, 2017. – 1120 с. – Текст : непосредственный.
6. Кельзен, Г. Чисте правознавство / Г. Кельзен. – К. : Юніверс, 2004. – 496 с. – Текст : непосредственный.
7. Монастырский, Ю. Э. Институт убытков в гражданском праве России. Профессиональные факторы эффективного применения: монография / Ю. Э. Монастырский ; под ред. А. А. Власова. – М. : Прометей, 2018. – 182 с. – Текст : непосредственный.
8. Перетерский, И. С. Толкование международных договоров / И. С. Перетерский. Государственное издательство юридической литературы. – М. : 1959. – 325 с. – Текст : непосредственный.
9. Ротань, В. Г. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова; руководитель авторского коллектива и ответственный редактор В. Г. Ротань. – Симферополь: 2019. – 792 с. – Текст : непосредственный.
10. Черданцев, А. Ф. Вопросы толкования советского права : учебное пособие / А. Ф. Черданцев, Свердловск, 1972. – 250 с. – Текст : непосредственный.
11. Явич, Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. – Л. : Изд. Ленингр. ун-та, 1976. – 288с. – Текст : непосредственный.

Onischenko V.V. Conclusion a contrario as one of the logical means of interpreting the provisions of civil law / V. V. Onischenko // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – P. 147-155.

This article examines scientific and regulatory sources that address the problem of using a contrario output in one way or another. In addition, an attempt is made to justify the need to use the conclusion a contrario in the interpretation of certain provisions of civil law. At present, the conclusion of a contrario is mostly ignored both in science and in practice, however, when analyzing scientific publications on the subject under study, almost no one denies the possibility of using this logical tool. Further investigation of the problem under consideration should consist in testing the possibility of using such a tool on a broader empirical basis.

Keywords: legal norm; interpretation of law; interpretation tool; competition of legal norms; logical pinning; textual pinning.

Spisok literatury`

1. Aleksandrov, N. G. Zakonnost` i pravootnosheniya v sovetskom obshhestve / N. G. Aleksandrov. – М. : Gosyurizdat, 1955. – 176 s. – Текст : neposredstvenny`j.
2. Belov, V. A. Grazhdanskoe pravo. Obshhaya chast`. V 2 t. T. 1. Vvedenie v grazhdanskoe pravo: uchebnik / V. A. Belov. – М.: Izdatel`stvo Yurajt, 2011. – 521 s. – Текст : neposredstvenny`j.
3. Vas`kovskij, E. V. Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskix zakonov / E. V. Vas`kovskij. – М. : CentrYurInfoR, 2002. – 456 s. – Текст : neposredstvenny`j.
4. Vil`nyanskij, S. I. Tolkovanie i primenenie grazhdansko-pravovy`x norm / S. I. Vil`nyanskij. – Текст : neposredstvenny`j // Metodologicheskie materialy` Vsesoyuznogo yuridicheskogo zaochnogo instituta. – 1948. – Vy`p. 2. – S. 60-61.
5. Karapetov, A. G. Dogovornoe i obyazatel`stvennoe pravo (obshhaya chast`): postatejny`j kommentarij k stat`yam 307-453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : Статут, 2017. – 1120 с. – Текст : neposredstvenny`j.
6. Kel`zen, G. Chiste pravoznavstvo / G. Kel`zen. – К. : Yunivers, 2004. – 496 s. – Текст : neposredstvenny`j.

7. Monasty`rskij, Yu. E`. Institut uby`tkov v grazhdanskom prave Rossii. Professional`ny`e faktory` e`ffektivnogo primeneniya: monografiya / Yu. E`. Monasty`rskij ; pod red. A. A. Vlasova. – M. : Prometej, 2018. – 182 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
8. Pereterskij, I. S. Tolkovanie mezhdunarodny`x dogovorov / I. S. Pereterskij. Gosudarstvennoe izdatel`stvo yuridicheskoy literatury`. – M. : 1959. – 325 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
9. Rotan`, V. G. Novejshee uchenie o tolkovanii prava (po materialam grazhdanskogo i drugix otraslej prava): monografiya / V. G. Rotan`, O. E. Sonin, Yu. V. Chertkova; rukovoditel` avtorskogo kollektiva i otvetstvenny`j redaktor V. G. Rotan`. – Simferopol`: 2019. – 792 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
10. Cherdancev, A. F. Voprosy` tolkovaniya sovetskogo prava : uchebnoe posobie / A. F. Cherdancev, Sverdlovsk, 1972. – 250 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
11. Yavich, L. S. Obshhaya teoriya prava / L. S. Yavich. – L. : Izd. Leningr. un-ta, 1976. – 288s. – Tekst : neposredstvenny`j.